А 177/449

НОВЫЙ АѲОНЪ

1884.

209/564

Фонтаны льютъ свой свѣжій ропотъ
И зыбкій жемчугъ звонкихъ слезъ.
Кн. Вяземскій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1895.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. Н. К. Крупской
78616-50

Дозволено цензурою. Спб. 3 Августа 1895 г.

...Военный пароходъ „Цендераклія“ отчалилъ отъ Батумскаго берега. Начинало уже смеркаться; погода была ясная, и море совершенно спокойно. На пристани толпился народъ, провожавшій князя Дондукова и жену его, отправлявшихся въ Сухумъ. Мы приглашены были сопутствовать имъ въ Новый Аѳонъ. Медленно отходили мы отъ берега. Съ палубы всѣ любовались великолѣпною картиной: на берегу горѣли огни; на пристани было большое оживленіе; передъ нами красовались горы вокругъ Батума и ясно были видны снѣжныя вершины Кавказа. Воздухъ былъ чистый и теплый; настроеніе у всѣхъ бодрое. Долго еще сидѣли мы на палубѣ и въ каютъ-компаніи.

Князь Дондуковъ еще долго заливался въ нескончаемыхъ разсказахъ о своей прежней службѣ. Его добродушіе и простота въ обращеніи сразу облегчили отношенія.

По мѣрѣ того, какъ удалялся пароходъ нашъ, весьма узкій и плохой (бывшая Турецкая Мерсина), его стало покачивать. Настоящаго волненія еще не было; ночь была ясная, а качка все усиливалась. Ночь прошла довольно томительно, но къ утру мы были уже на мѣстѣ. Пароходъ остановился въ виду Аѳонскаго монастыря. Съ берега отплыла лодка съ мѣстными властями для привѣтствія Главноначальствующаго. Въ ней прибыли: воинскій начальникъ, полковникъ Введенскій и ген.-лейт. князь Шервашидзе...

Передъ нами была чудная картина. На берегу виднѣлся монастырь, недавно отстроенный, съ серебряными главами, съ Генуэзской башней у пристани; за нимъ тянутся горы, частію покрытыя лѣсомъ, съ глубокими ущельями и пропастями, а на горизонтѣ отчетливо выдѣлялись снѣжныя вершины на ярко голубомъ

небѣ. Зыбь давно уже улеглась и солнце сіяло полнымъ блескомъ.

Мы вышли на берегъ, и тотчасъ же начался осмотръ монастыря. Пріемъ былъ соотвѣтствующій случаю. Вся братія обители вышла на встрѣчу князю Дондукову съ настоятелемъ отцомъ Іерономъ во главѣ. Народъ толпился въ живописныхъ нарядахъ; Абхазцы щеголяли въ рыжихъ папахахъ, дѣти бросались на встрѣчу съ цвѣтами, и шествіе двинулось въ церковь. Молебенъ св. Симону Кананиту. Церковь новая, все еще такъ свѣжо и нетронуто. Изъ открытыхъ оконъ чудный видъ на море. Тутъ же виноградники и горы,—слышался неумолкаемый шумъ ближайшаго водопада, искусствомъ братіи созданной необычайной плотины. Тутъ и святой колодезь и крестъ, изъ котораго льется тройная струя. Мы поднялись на эту плотину и совершили необыкновенную прогулку по удивительнымъ переходамъ и дорожкамъ, между разсѣлинами горъ, обсаженныхъ виноградниками и густою зеленью. Лица монашествующихъ строгія и худыя, видно, пріі-

учены они къ работѣ, не бѣлоручки. Отецъ Іеронъ уже старецъ; у него выразительное лицо, и онъ держитъ себя съ достоинствомъ. Эти монахи неутомимые колонизаторы края: они строятъ дороги, созидаютъ зданія, устроиваютъ плотины, осушаютъ болота, руководятъ школою, содержатъ пріютъ и гостинницу, охраняютъ и поддерживаютъ памятники древности. Вліяніе ихъ благодѣтельно. Они трудолюбивы и не избалованы. У нихъ есть и средства, и предпріимчивость. Они самостоятельны и дѣйствуютъ на свой страхъ. Это истинные благодѣтели края — у нихъ процвѣтаетъ культура растеній, они же разводятъ виноградники. Здѣсь пріютъ всѣмъ странникамъ и богомольцамъ. Служба стройная и чинная. Особенно глубокое впечатлѣніе произвелъ Новый Аѳонъ въ 1888 году на Императора Александра III. Это дивный, единственный въ своемъ родѣ уголокъ Черноморскаго побережья Кавказа, съ которымъ трудно соперничать. Хваленая и пресловутая riviera, столь излюбленныя нашими бродящими соотечественниками и подобныя Европейскія знаменитости блѣднѣютъ передъ этою изумительной природой.

Передъ отъѣздомъ нашимъ былъ завтракъ въ Генуэзской башнѣ, выступающей въ море. Затѣмъ пароходъ нашъ отплылъ по направленію къ Сухуму, гдѣ намъ предстоялъ ночлегъ.

Сухумъ еще отзывается недавнимъ разгромомъ 1877 года и не вполнѣ еще оправился отъ турецкаго раззоренія. Но стоитъ только въ этотъ городъ вложить средства и трудъ,— тогда на этомъ мѣстѣ возникла бы несравненная морская станція, куда бы стремились отовсюду. Тогда, быть можетъ, ослабѣло бы хроническое тяготѣніе къ западу. Нигдѣ растительность не достигаетъ такихъ результатовъ, какъ въ Сухумѣ; здѣсь произрастаютъ и красуются эйкалиптусы, здѣсь ботаническій садъ... вдоль морского берега рядъ дачныхъ участковъ, утопающихъ въ розахъ. Въ городѣ прекрасная набережная, но она еще въ первобытномъ состояніи. Мы ночевали въ прекрас-

номъ каменномъ домѣ, на самомъ берегу моря, у начальника таможенной стражи Подгорнаго. Видъ города былъ праздничный, музыка безъ умолку гремѣла. Народъ толпился на набережной. Мы отправились на дачу Введенскаго у самаго моря. Здѣсь собраны въ богатомъ питомникѣ разнообразнѣйшія растенія — эйкалиптусы чередуются съ другими рѣдчайшими деревьями, безчисленное количество цвѣтовъ, виноградники, прекрасный небольшой домикъ весь въ зелени вьющихся растеній, а тутъ же въ двухъ шагахъ песчаный берегъ и море съ его неумолкаемымъ прибоемъ, кругомъ горы и лѣса, ущелья и снѣжныя вершины...

Вечеръ былъ необыкновенный; море чистое и спокойное какъ зеркало! Глубокій Сухумскій заливъ своими очертаніями долженъ напоминать заливъ Неаполя... Мы обѣдали въ саду Введенскаго, въ двухъ шагахъ отъ берега. Дѣти только что вернулись съ соколиной охоты, устроенной княземъ Шервашидзе.

Отъѣздъ нашъ изъ Сухума казался также праздникомъ — на берегу гремѣла музыка и горѣла иллюминація, разноцвѣтные огни отражаются въ морѣ, вокругъ парохода снуютъ лодки по всѣмъ направленіямъ; онѣ переполнены какими-то людьми, и въ нихъ горятъ огни; всюду ликованіе и клики, — раздаются пѣсни, кричатъ ура...

Что это за добрые, вѣрнопреданные люди? —спрашиваютъ у князя Дондукова... „Это все переселенцы...“ отвѣчаетъ онъ улыбаясь, и добавляя поясненіями. „Эти новые поселенцы, говорилъ онъ, изъ разныхъ мѣстъ, сбродный людъ, а во главѣ ихъ тотъ, что въ бѣлой папахѣ. Это ихъ атаманъ“. — Какъ атаманъ? спрашиваемъ мы не безъ удивленія. „Это онъ такъ себя называетъ атаманомъ: это Ашиновъ“. Имя это для насъ было совершенно еще чуждо, и мы не придали ему значенія. Кто бы подумалъ, что оно прозвучитъ по всей Россіи и за предѣлами ея, связанное съ фантастическимъ эпизодомъ, закончившимъ собою цѣлый рядъ искусственно созда-

ваемыхъ шумихъ въ мнимо народномъ духѣ и во вкусѣ движенія, предшествовавшаго войнѣ 1877 года.

Тѣмъ же путемъ вернулись мы въ Батумъ и еще лучше совершили обратный путь. Погода была чудная, на морѣ полная тишина, вокругъ парохода плавали и рѣзвились дельфины, ловко избѣгая ружейныхъ выстрѣловъ: быстро ныряетъ дельфинъ, его и слѣдъ простылъ, а тамъ, глядишь, опять всплываетъ, летятъ отъ него брызги, и онъ барахтается въ пѣнистыхъ волнахъ...

Мы долго еще любовались чуднымъ зрѣлищемъ. Свѣжій морской воздухъ оживлялъ и поддерживалъ хорошее настроеніе. Къ утру мы уже были въ Батумѣ.

Къ сильнымъ впечатлѣніямъ Кавказа прибавилось еще новое, и, быть можетъ, самое живое, самое свѣтлое и отрадное, ибо вмѣсто развалинъ и впечатлѣній отжившаго мы видѣли расцвѣтъ и возрожденіе уголка, широко разливающаго благодѣтельное вліяніе истиннаго просвѣщенія на пустынной и покинутой

жителями землѣ—дивнаго Черноморскаго прибрежья...

Однимъ словомъ, мы видѣли Новый Аѳонъ —обитель Симона Кананита!

Графъ Сергій Шереметевъ.

Михайловское,
1895.